

переход от ассерции к пресуппозиции, и только вторая часть высказывания – утверждение тождества – характеризуется ассерцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., Наука, 1988. – 309 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., Наука, 1972. – 213 с.
3. Розова К.Л. Бытийные предложения [Диссертация]: 10.02.19. Тверь, 1997. – 123 с.
4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения [Диссертация]: 10.02.19. – Тула, 1973. - 418 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ

И.А. СТЕПАНОВА

Удмуртский Государственный Университет, г. Ижевск

В статье рассматриваются теоретические аспекты, связанные с описанием языковой личности как носителя когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивный стиль, стиль мышления, полезависимость/полenezависимость, психология.

LINGUISTIC IDENTITY IN THE LIGHT OF THE COGNITIVE STYLE THEORY

I.A. STEPANOVA

This article deals with the theoretic aspects related to the description of linguistic persona with field dependence and field independence cognitive styles.

Key words: linguistic personality, cognitive style, styles of thinking, field dependence and field independence, psychology.

Языковая личность – человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в

языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)" [1, с. 3].

Характерной особенностью языковой личности является её способность к речевому мышлению, т.е. способность к порождению и пониманию речи, а также хранению языкового знания во внутреннем (ментальном) лексиконе.

Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, коммуникативная компетенция — как проявление языкового сознания в выборе средств общения. Реализация этих средств в конкретном речевом действии выражается в тексте, который, отметим, обычно произносится или пишется отдельным индивидом, т.е. личностью, а не народом. По мнению А.М. Шахнаровича, языковая способность — это "механизм, обеспечивающий использование "психологических орудий", в то время как "процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляет языковую личность" (Шахнарович, 1995). Перечисленные компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным — языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет на систематической основе рассматривать как взаимодействующие все четыре фундаментальных языковых свойства. Во-

первых, потому, что личность есть средоточие и результат социальных законов; во-вторых, потому, что она есть продукт исторического развития этноса; в-третьих, по причине принадлежности ее мотивационных предрасположений, возникающих из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями, — к психической сфере; наконец, в-четвертых, — в силу того, что личность есть создатель и пользователь знаковых, т.е. системно-структурных по своей природе, образований [1, с. 22]

Говоря о языковой личности, нельзя не упомянуть о речевом паспорте говорящего и о языковом идиостиле человека. Речевой паспорт — это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой). Идиостиль человека (если терминологически противопоставить его речевому паспорту) можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт — это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль — аспект коммуникативной компетенции.

Исследование языковой личности – лингвистическая персонология, по В.П. Нерознаку (1996), – неизбежно вовлекает в сферу интересов лингвистов те вопросы, которые объединяют всех специалистов, изучающих человека с различных точек зрения. К числу важнейших вопросов теории языковой личности, относятся, на мой взгляд, выделение типов языковых личностей и освещение подходов к их изучению.

С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция «свой — чужой». В условиях межкультурного общения релевантным оказывается дифференциация чужих по признаку реальности, естественности общения. Условно можно разграничить следующие типы языковых личностей: 1) человек, для

которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде; 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде, здесь мы говорим о ксенолекте, т.е. той разновидности языка, которой пользуются, например, эмигранты, либо люди, длительно живущие в чужой стране, либо люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, например, ученые, выступающие по-английски на конференции в Японии; 3) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения.

С позиций психолингвистики уместно противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии, и рассмотреть языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей. Такая типология окажется весьма дробной. Детальная классификация психологических типов языковой личности разработана в исследовании С.С. Сухих (1998). Автор выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности, на первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором уровне – конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем уровне – проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно, директивно или интегративно, центрированно или децентрированно [2, с. 17].

С позиций социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам — возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д.

К числу дискуссионных относится вопрос о том, может ли каждый говорящий рассматриваться как языковая личность. При статическом

понимании личности (все приведенные выше подходы базируются именно на такой трактовке) на этот вопрос дается утвердительный ответ. Динамическая интерпретация данного понятия прослеживается в тезисе о том, что языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка [1, с. 36]. Если согласиться с тем, что существует уровень нейтрализации языковой личности, т.е. уровень стандарта, на котором стираются индивидуальные речевые отличия, то правомерно предположить, что нейтрализация личности — это актуализация статуса человека. Разумеется, нейтрализация личности — это абстракция. В реальном общении личностно-индивидуальное и статусно-представительское в человеке неразрывно слиты: пассажир, покупатель, пациент, клиент, прихожанин, прохожий на улице реализуют себя в названных ролях, помимовольно проявляя как личностные, так и статусно-ролевые качества, в которых им приходится выступать в общении с другими людьми. Соглашаясь с тем, что в общении происходит постоянное переключение по линии «персонализация — деперсонализация», нельзя устанавливать жесткую корреляцию между обыденным языком, семантическим уровнем языковой личности и нулевой представленностью личности в общении. Обыденный язык объединяет всех, говорящих на нем, им пользуются все, но если говорящий на обыденном языке не является языковой личностью, то из этого допущения возможны следующие выводы: 1) языковая личность проявляется только в определенных жанрах речи; 2) языковая личность — это специфическое качество человека говорящего, то появляющееся, то исчезающее; 3) обыденное общение — это способ маскировки своей личности; 4) обыденное общение не сводится к представительскому, следовательно, представительское общение акцентирует личность говорящего (но контролер в троллейбусе для нас — это прежде всего контролер, а только потом скромный либо самоуверенный, молодой или пожилой, симпатичный или неприятный человек). Приведенные

аргументы, как можно видеть, легко опровержимы. Ю.Н. Караулов, выделяя семантический, когнитивный и мотивационный уровни языковой личности, подчеркивает, что семантический уровень является базой для языкового общения [1, с. 37], и в этом смысле в меньшей мере индивидуализирует личность, чем понятия, идеи, концепты в сознании человека, с одной стороны, и цели, мотивы, интересы в этом сознании, с другой.

Языковая личность представляет собой многомерное образование. Типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы). С позиций языка можно построить также модель словарной личности, т.е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим группам слов (Карасик 1994).

Языковая личность в условиях общения является коммуникативной личностью, обладающей определенным стилем мышления или когнитивным стилем.

Когнитивные стили — это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего.

В свою очередь, эти индивидуальные различия образуют некоторые типичные формы когнитивного реагирования, относительно которых группы людей являются похожими и отличаются друг от друга. Таким

образом, понятие когнитивного стиля используется с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы.

С самого начала статус феноменологии когнитивных стилей определялся с учетом ряда принципиальных моментов:

- индивидуальные различия интеллектуальной деятельности, обозначенные как когнитивные стили, отграничивались от индивидуальных различий в степени успешности интеллектуальной деятельности, выявляемых на основе психометрических тестов интеллекта (в виде IQ-различий);

- когнитивные стили, будучи характеристикой познавательной сферы, в то же время рассматривались как проявление личностной организации в целом, поскольку индивидуализированные способы переработки информации оказывались тесно связанными с потребностями, мотивами, аффектами и т. д.;

- когнитивные стили оценивались, по сравнению с индивидуальными особенностями традиционно описываемых познавательных процессов, в качестве формы интеллектуальной активности более высокого порядка, поскольку их основная функция заключалась уже не столько в получении и обработке информации о внешних воздействиях, сколько в координации и регулировании базовых познавательных процессов;

- когнитивные стили трактовались как посредники между субъектом и действительностью, оказывающие прямое влияние на особенности протекания индивидуальных адаптационных процессов [3, с.38].

В современной отечественной и зарубежной литературе авторы выделяют более двух десятков различных когнитивных стилей. Из

множества описаний следует выделить ряд основных: Полезависимость/полнезависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, узость/широта категории, ригидный/гибкий познавательный контроль, толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту, фокусирующий/сканирующий контроль, сглаживание/заострение, импульсивность/рефлексивность, конкретная/абстрактная концептуализация, когнитивная простота/сложность.

Понятие полезависимость/полнезависимость впервые было введено Генри Уиткином и его коллегами в 1954 году для описания индивидуальных различий в стремлении испытуемых полагаться на внешнее поле или на внутренние ощущения [6, с. 10]. Идеи Г. Уиткина пользовались популярностью все последние десятилетия, а количество исследований полезависимости/ полнезависимости (ПЗ/ПНЗ) исчислялось тысячами.

Исследования Генри Уиткина сыграли решающую роль в дальнейшем изучении когнитивных стилей. Цель его исследования заключалась в изучении индивидуальных различий в способах восприятия, а также в установлении их связи с определенными характеристиками личности [5, с. 465].

Если рассматривать ПЗ/ПНЗ в узком значении слова – это способность вычленять простую деталь в сложной фигуре, тогда как в широком значении слова — это показатель уровня психологической дифференциации (и соответственно характера познавательной деятельности субъекта).

Позже, стало очевидно, что полюса ПЗ/ПНЗ связаны с более широким диапазоном интеллектуальной и личностной деятельности, нежели это предполагалось ранее.

ПЗ/ПНЗ обнаруживает свое влияние в таких сложных видах интеллектуальной деятельности, как работа с текстом. В частности, отмечается превосходство ПНЗ учащихся в условиях, когда текст требует переструктурировки и реорганизации. Если в качестве помощи для усвоения текста предлагаются вопросы умозаключающего типа, у ПНЗ учащихся показатели понимания текста улучшаются, тогда как у ПЗ — ухудшаются [3, с. 53].

Анализируя природу индивидуальных различий в выраженности ПЗ/ПНЗ, Т. Глоберсон соотносила их со сформированностью контролирующих стратегий, отвечающих за оттормаживание влияния видимого поля [4, с. 473]. Ч. Носал объяснял эти различия особенностями организации памяти и внимания. В частности, глобальный когнитивный стиль (полезависимость) определяется быстрым исчезновением следов кратковременной памяти и статичностью состояний внимания. Таким образом, основные причины ПЗ стиля — в малом объеме и темпе одновременно перерабатываемой информации и инертности внимания [там же, с. 474].

Любая языковая личность обладает набором психологических методов получения и переработки информации. Такими методами являются когнитивные стили. Каждый когнитивный стиль как психологическая характеристика, находит свое отражение в личностных свойствах индивида, в мыслительной, познавательной деятельности, а также в речевой деятельности индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, 7-е изд. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264с.

2. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1998. – 160 с.
3. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
4. Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994. – 156 с.
5. Kozhevnikov M. Cognitive Styles in the Context of Modern Psychology: Toward an Integrated Framework of Cognitive Style. – George Mason University// Psychological Bulletin 2007, Vol. 133, No. 3. Pp. 464 – 480.
6. Yu Cao. Effects of field dependent/independent cognitive styles and cueing strategies on students' recall and comprehension [Dissertation]. Blacksburg: Virginia Polytechnic Institute, September 6, 2006. — 18 p.